

Градостроительство / Градостроительство / Объемное проектирование / Ландшафтная архитектура: преодолевающая бинарность

В 2000-е гг. мы становимся очевидцами процесса выдвигания градостроительной и ландшафтной архитектуры на историческую авангарду — на место безраздельно доминировавших в 1990-е гг. объемной архитектуры и интерьер-дизайна. Нами эта передача исторической эстафеты зафиксирована еще в середине 2000-х гг. (1). Сегодня происходит институционализация данного тренда (2).

Параллельно разворачивается процесс перематирования градостроительства в направлении градостроительства. Градостроительство — это работа в городе, понимаемая не в логике строительства, а в контексте целостного управленческого процесса, объединяющего экономические и финансовые, социальные и экологические, юридические и культурологические аспекты жизни города (3). «Градостроительство в равной степени направлено как на работу с объектами, так и субъектами или, точнее, с взаимодействиями субъектов в отношении объектов», — подчеркивает А.Высоковский. Тем самым налицо профессионально-идеологическая связь градостроительства и средового подхода. Наконец, нельзя не отметить, что переход на рельсы градостроительства является реакцией на смену понимания города как «всегда растущего» представлением о городе, «существующем для населения», а во многих случаях — о городе «выживающем» (4).

В России все как всегда доводится до логического предела, до отказа. В данном случае таким пределом оказываются социально-идеологические противопоставления, по сути, «сталкивание лбами» градостроительства и градостроительства как неимперирических формационных практик, по К.Марксу. В качестве интересантов жесткого бинарного разведения выступают городские инженеры.

Как ни вступил академик Ю.Бочаров, он тут же с места в карьер набрасывается на архитектурный цех — как будто именно в валюлю главным выразителем его чужаки и ответчиком за все его прегрешения. Нашему профессиональному сообществу инкриминируется отнесение в 1930-е гг. клана городских инженеров, выразившееся в перехвате деловых городских заказов. С профессионалами нового, социального, читай — пролетарского — типа якобы грубо, по-медиумному выжили интеллектуальных буржуазных спецов. И это вовсе не частное мнение экстраординарного «вечного оппозиционера». Так, М.Блинкин доводит эту антиномию до звона с его слов, градостроительство — это баланс интересов, тогда как градостроительство — авторитарная инстинктивная. А.Жуков, Д.Савин и А.Чуев разворачивают монументальное полотно классовой борьбы в ее диалектическом обосновании, в которой триумфаторами оказались коварные и ушлые архитекторы. По их версии, материнским логосом градостроительства является постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1935 г. «О генеральном плане реконструкции Москвы», запущенное сталинским планом монументальной пропаганды восточной новой власти. Они техникно эксплуатируют потенциал микрофронта: якобы в аккурат за год до выхода постановления студентка МАРХИ, дочь Д.Кавановича, привела в дом безработных архитекторов, и сребролюбивый выход из положения — была учреждена должность главного архитектора города. На этот инвентив не заканчиваясь — обращаясь уже к позднесоветскому времени, авторы сетуют, что как только архитекторам дали волю (на самом деле, чуть ослабла сдерживающая узда), строительство сразу подорожало в полтора раза. Ну, и разумеется, все та же заунывная претресточная песь по историческим тулупкам плановой экономики: «Термин «градостроительство» принадлежит централизованной социально-экономической системе, поэтому цели управления городом определяются единым властным центром, а все живые города подчиняются задаче развития единого народнохозяйственного комплекса» (5).

Так что — нас ожидает очередной инвентивный мах маятника культуры, до жгучей в пол палки? Реванш «правильной» буржуазной рачительной над «неправильной» социалистической «бесхозяйственной» моделью городского хозяйства? Сегодня такой пафос выглядит, по меньшей мере, комично. Когда на поверку выходит, что, к примеру, на восстановление ВВП до предкатастрофического уровня после революции и гражданской войны понадобилось девять лет, после Великой Отечественной войны — те же девять лет, а после либерального слома начала 1990-х гг. в условиях якобы донельзя эффективного «свободного рынка» — целых пятнадцать лет. Когда после двадцатилетней либерал-монетаристской реформирования по рецептам Вашингтонского консенсуса фактически близка к исчерпанию материальная субстанция, по А.Порузову, созданная непосильным трудом в эпоху социализма, а на смену порученная «до основания промышленности, сельскому хозяйству, сфере ЖКХ, армии, науке, образованию, здравоохранению, системе социальной защиты населения пришла колониальная по своей сути примитивная экономическая труба, оказывающаяся одним из обеспокоивших звеньев внутри спутниковой системы.

Это что касается, так сказать, общедидеологической стороны дела. Но можно обозначить и профессиональные сюжеты, иллюстрирующие социально-историческую обусловленность сдвига в сторону централизации и разделения, по сути, к социалистическим принципам управления на отечественной почве — в том числе территориально-пространственным развитием и городским хозяйством (что отнюдь не исключает необходимости параллельного выстраивания институтов местного самоуправления). Сошлюсь на В.Бадрадина, который показывает, что разделение населения и населенных мест по территории страны автоматически влечет за собой, как минимум, два важных следствия, а именно: 1) количество инфраструктурных единиц — от детских садов и школ до отделов милиции и учреждений торговли — в таком случае должно быть заведомо больше, чем при высочайшем освоении территории 2) в условиях поглотительной и людской разреженности роль социально-управленческого и патерналистского факторов, читай — социалистической компоненты внутри системы — оказывается выше. Это объективные — безотносительно к чьим-либо политическим симпатиям и устремлениям — следствия особенностей устройства Русского мира, в том числе географических, социально-пространственных, экономических. То, что А.Пущкин называл «силой веда». А ведь есть еще изотерма январа, всегдшний дефицит прибавочного продукта, исключительная неравномерность развития регионов, практическая

несформированность гражданского общества, хроническое отставание транспортной инфраструктуры, поликонфессиональность, своеобразная ментальность, зашкаливающий уровень коррупции, наконец, уходящие в глубину веков традиции властечетности...

Так что предписываемый Градостроительным кодексом порядок разработки градодоктрины «с низу вверх», якобы исходя из интересов местного сообщества и города в целом, на деле — как правило, в угоду алчным тупошным властям вкупе с девелоперами, должен быть дополнен с размаху отрицательной им практикой проектирования «сверху вниз», от общего к частному, от схемы расчленения к документам территориального планирования регионов — областей, краев, систем населенных мест — и далее, к генпланам отдельных поселений. Векторы индуктивный и дедуктивный вовсе не исключают, а взаимодополняют и поддерживают друг друга. Другое дело, как взаимодействовать, соотносить эти масштабные уровни между собой в отсутствие любой субординации и жесткой иерархии. Разумеется, система организации градостроительного проектирования не может не быть встроеной в общий государственно-управленческий контур, нуждающийся в пересмотре и совершенствовании — в частности, мировой финансово-экономической кризис и очевидный кризис идеологии неоллиберализма вызвали к жизни дискуссии относительно выстраивания сети когнитивных центров, развития системы долгосрочного индикативного планирования, степени централизации государства как фактора его жизнеспособности, приложения модели саморегулирующейся системы Стаффорда Бира к целям государственного управления и т.п. (6).

Возвращаясь к перспективе намечающегося среднего уровня нашего движения. Разум протистит притяну подобно сценария. И не только «характеристический», как, допустим, выражалась наша коллегия. Так, М.Блинкин полагает, что идеальной комбинацией является двойное архитектурно-инженерное образование: в западном мире от первого выступает специальность Urban Design, от второго — Urban Planning. Он приводит в качестве позитивного примера фигуру нынешнего главного архитектора Милана, А.Высоковский вообще разсматривает градостроительство и градостроительство как две раздольные сферы профессиональной деятельности: если первая ориентирована на работу с объектами среднего, промежуточного масштаба — от городских районов до крупных градостроительных комплексов, то вторая предполагает более крупные социально-пространственные единицы — города, регионы, страны и т.д. (7). Правда, в таком случае не вполне ясно, как же тогда можно перейти от градостроительства к градостроительству, равно как и, при иной конъюнктуре, наоборот? Ведь практически всегда и везде в той или иной мере возмещаемыми оказываются оба эти профессионализма, работа в городе ведется в обоих регистрах, на обоих масштабных уровнях.

На наш взгляд, во избежание вероятного очередного перекоса противопоставление «или / или» следует заменить связкой «и / и»: градостроительство, и градостроительство. Вкупе с парой других видов профессиональной активности в городе — объемным проектированием и ландшафтной архитектурой — возникает многозвенная цепочка: градостроительство / градостроительство / объемное проектирование / ландшафтная архитектура. У каждой из этих подсистем — свой предмет и масштабный уровень, свои задачи и инструменты. Вероятно, разграничение сфер влияния между теми же градостроительством и градостроительством или, скажем, градостроительством и объемным проектированием в конкретных случаях провести не всегда просто, соответственно на стыках заведомо будет сбивать, искривлять, а то и заниматься пляж, однако так происходит всегда и везде, включая межгосударственные границы.

Подобное гипотетическое разделение «по углам» вовсе не исключает необходимости синтетического взгляда «сверху». Такой синтезирующей фигурой мог бы являться именно архитектор. По крайней мере, так обстоит дело во Франции — вспомним программу «Большой Париж», где междисциплинарные команды возглавляли известные архитекторы — от Ж.Нувеля до Р.Роджера.

Если же перевести разговор в социально-философскую плоскость, то выстраивание такой полицентрической профессиональной конструкции, так сказать, авторитетно имеет результатом снятие, преодоление дихотомии в пользу тернарности, по Ю.Потому, или медиации, по А.Лизеу. Вот только и тот, и другой к концу жизни заверулились в реалистичности такого сценария в наших пенатах...

1. См., например: Феофанов Д. Архитектура и градостроительство России: от 1990-х к 2000-м. Основные тенденции // AB, 2008, №1.

2. См.: Феофанов Д. Урбанизм возмещает переключение тумблера. С Международного фестиваля «Зодчество-2010» // AB, 2010, №6.

3. Высоковский А. Стратегия профессионального развития: от градостроительства к градостроительству — <http://tigrad.com/userfiles/content/2009.pdf>, Мещеряков М. Проблемы градостроительного образования // Проект Байкал, 2010, №25, с.53 и др.

4. Шварца А. Переломный период: от градостроительства к градостроительству — http://issprobita.ru/ru/ru/social_policy_research/analitics/document/408.html

5. Жуков А., Савин Д., Чуев А. Инженерный подход к решению городских проблем — http://issprobita.ru/ru/ru/social_policy_research/analitics/document/408.html

6. См., например: Демасов И., Маловицкий Г., Манюков С., Митин Н., Отоцкий П., Токчев В., Шахов В. Управление городом и национальными экономическими системами — необходимость признать ситуацию — http://issprobita.ru/ru/ru/social_policy_research/analitics/document/408.html, Манюков Г., Манюков С., Митин Н., Шахов В. Когнитивный анализ и информационные технологии — http://issprobita.ru/ru/ru/social_policy_research/analitics/document/408.html, Сухачев С. Национальная идея России: философское, управленческое и правовое содержание — http://issprobita.ru/ru/ru/social_policy_research/analitics/document/408.html

7. Высоковский А., указ. соч.